

Козлы отпущения

экзистенциальная шутка

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Сеня АМСТЕРДАМ, литератор

Гриша МАТЮШКИН, временно неработающий

Катя ШПИЛЛЕР, детский врач

Антипов (Губошлеп)

Архипов (Князь)

Андронников (Лифчик)

Порфирий, юрист третьего класса

НИКИТА, молодой милиционер

} их одноклассники

ПРОЛОГ

На авансцене Никита и Порфирий.

НИКИТА. Мы люди тихие, скромные, почти деревенские и преступления совершаем соответствующие. Жили себе, и все ничего, да только повадились к нам москвичи.

ПОРФИРИЙ. Москвичи чередят...

НИКИТА. На масленицу набедокурили, подстрелили одного. *(Сует палец в ухо, изображает выстрел.)* Пх-х...

ПОРФИРИЙ. Пристрелили, Никитушка, пристрелили. На себе не показывай.

НИКИТА. Когда б не Порфирий... *(Вздыхает.)* Когда б не Порфирий, не сладили б мы с этим делом, ни за что бы не раскумекали, что к чему!

ПОРФИРИЙ *(читает из книги)*. «Принесение жертв и законы, наказания и музыка имеют общую цель — устанавливать порядок, объединять сердца».

НИКИТА. Порфирий — очень значительного ума человек!

ПОРФИРИЙ. Китайская «Книга обрядов». Ли Цзи. Видишь как? Наказания и музыка...

НИКИТА. Очень... Очень значительного ума человек...

сцена первая ШИРОКАЯ МАСЛЕНИЦА

Гриша у себя в доме, один. Ставит книги на полки, стирает пыль. Поет.

ГРИША. Прощай, ра-а-дость, жизнь моя!.. *(Поглядывает на стоящую в углу огромную бутылку с зеленоватой жидкостью.)* Выпить хочется! А нельзя, нель-

зя... Всё, новая жизнь. Уже... сколько? Двенадцать дней. *(Снова поет.)* Знать, один должен остаться, тебя мне больше не видать...

Звук подъезжающей машины, стук в дверь.

Чтоб вам! Какое сегодня? Ой...

Стук повторяется.

Господи, убереги меня от старых друзей. А от новых уберегусь сам.

Гриша прячется в соседней комнате. Стук повторяется с новой силой. Наконец, пришедшие толкают оконную раму, она не закреплена. Окно вываливается, бьется стекло. В комнату влезают Сеня, Антипов, Архипов, Андронников. Сеня сгребает стекло ногой.

СЕНЯ. На счастье! Мотинька! Мы приехали! Мотинька! Гриша!

Гриша возвращается в комнату.

ГРИША. Началось... *(Здоровается с одноклассниками, обнимается с каждым.)* Губошлеп, Лифчик! О-о-о... Князь! Здоров ли?

Антипов, Андронников, Архипов хлопочут по хозяйству: заделывают окно, ставят на стол закуски. Сеня с Гришей болтают.

СЕНЯ. Ты что ж, брат, так и живешь, этим, как его?..

ГРИША. Анахоретом.

СЕНЯ *(достает из кармана бутылку «Буратино»)*. Вот, Гриш, специально вез, попробуй, «Буратино». Тот самый вкус, нет? Помнишь, газировочка...

ГРИША. По три копейки.

СЕНЯ. По три — с сиропом, по копейке — без. Теперь уже и монет нету тех... На, пей! Помнишь? стакан отодвинешь в сторонку, бросишь еще три копейки... И два сиропа. А как бабушки бытовым сифилисом пугали, помнишь? Я об этом сейчас пишу. Вот так вот, милые мои, старые песни о главном... Чем пахли новые тетрадки, как выглядела отцовская фуражка...

АНТИПОВ. Сеня в таких вещах разбирается.

СЕНЯ. В школу придешь первого сентября, понюхаешь тетрадочку, напишешь: «Классная работа». А дальше все опять вверх тормашками! *(Хохочет.)*

ГРИША. О колбасе дописал?

СЕНЯ. Когда еще! Это, старичок, тема... Электрички за колбасой... «Жили хорошо, колбаса была...» Фрейд отдыхает. Потому что колбаса, Гришенька, это и необходимость, и удовольствие. Как и оригинал. Понял? *(Хохочет, потом вдруг мрачнеет.)* Да, Мотинька, сразу. Чтоб покончить со всем неприятным. Катя со мной живет. Как жена.

ГРИША *(безразлично)*. Совет да любовь. Почему сама не приехала?

СЕНЯ. А я ее в Париж отправил. *(Снова оживившись.)* Ребят, кто-нибудь был в Париже? Нет? Пусть хоть Катька моя побывает.

АНТИПОВ. Сень, как же Любка?

СЕНЯ. Любка? О... Эту сосиску я ел с другого конца... *(Напевает.)* Помнишь, Любка, как в траве лежали, / Как с тобой друг другу руки жали, / Как с тобой друг друга уважали, / Этот день смогу забыть едва ли...

Архипов достает из кастрюльки сосиску, собирается отправить ее в рот, но кое-что вспоминает.

Архипов. Ах ты, б..., уже ж пост! *(Швыряет сосиску обратно, томатная жижа выплескивается на стену.)* В каком ты говне живешь, Матюшкин! *(Пытаясь стереть соус с обоев.)* Бригаду пришлю, все сделают.

Сеня. Мальчики, как в рассуждении того, чтоб сбегать?

Гриша *(показывает на зеленую бутылку)*. Вот. Без меня. Я — всё.

Сеня *(разглядывая бутылку)*. Ты чего, старый? За Катю обиделся?

Гриша. Что ты, Сень!.. На работу устраиваюсь.

Все. На работу?!

Гриша. Да, представьте себе. Учителем.

Антипов. Вот это да-а! Уважаю, Гриш!

Сеня. Чего она такая... зеленая?

Гриша. Полынная.

Андронников. Чернобыльник. Полынь. Артемизия вульгарис. Трава забвения.

Антипов. Артемизия. Во память, Лифчик! Мне б такую!

Андронников. В школе надо было учиться.

Сеня *(разливает)*. Мотинька, тоже бери. За твой педагогический дар! Спасибо, что не обиделся. *(Целует его.)*

Антипов. За нас, за миленьких!

Пьют все, включая Гришу.

Все. Хороша артемизия!

Сеня. Где брал, Гриш?

Гриша. У дяди Кости.

Андронников. У которого сын милиционер?

Гриша. Да не сын...

Антипов беспричинно хохочет.

Гриша. Губошлепу не наливать. Внук.

Сеня. От полынной водки, ребят, ни голова не болит, ничего. *(Снова наливает.)* Но память отшибает крепко.

Андронников *(прикрывает стакан ладонью)*. Я всё.

Архипов *(грозно)*. Обидеть нас хочешь?

Антипов. За нас, за миленьких!

Архипов. Стоп. Лифчик, что такое?

Андронников. Мне больше рюмки нельзя. Анализы плохие.

Сеня. Катя сказала? Да она в медицине ни хрена не понимает. Только в этих, в противозачаточных... *(Хохочет.)*

Андронников. Сеня, мне завтра анализы пересдавать.

Сеня. Хочешь, за тебя сдам? На, старичок, выпей. Забудься.

Андронников в задумчивости выпивает вторую рюмку.

Гриша. Дети, сколько будет десять раз по сто грамм?

Все, кроме Андронникова. Литр!

Андронников. Килограмм.

Сеня. Точно, килограмм. Не русский ты человек, Лифчик! *(Подмигивает Грише)*. Мотинька, нашу! *(Поет на мотив «Интернационала»)*. Бывают странные сближенья...

Гриша. Между лафитом и клико...

Сеня. Добьемся мы освобожденья...

ВСЕ, КРОМЕ АНДРОННИКОВА. Своею собственной руко!

Все, кроме Андронникова, смеются.

СЕНЯ. Гриш, у тебя пряничков нет?

ГРИША. Нет, Сень, с пряничками вот точно — всё.

СЕНЯ. Жалко... *(Задушевно.)* Ребята, слушайте, тут хоккей был. Наши с канадцами. Пива взял, открыл бутылочку, включил ящик, и тут вдруг — мысль: а ведь миллионов пятьдесят мужиков сейчас сделали то же самое! И так мне тепло на душе стало!

АНТИПОВ. Есть у тебя, Сенья, дар описывать... А у меня вот ни к чему дара нет...

СЕНЯ *(меланхолично)*. Значит, Бог не дал.

АНТИПОВ. Тебе-то, конечно, он все дал. Теперь еще — Катю.

АРХИПОВ. Чего вы, не пойму, цацкаетесь с одной бабой, мужики? От баб все не счастья! Я на фирме у себя шуры-муры полностью прикрыл. Штраф миллион.

ВСЕ. Миллион?!

ГРИША. Слушай, Князь, ты не выручишь... небольшой суммой?

АРХИПОВ *(виновато-задушевно)*. Григорий, ты же знаешь... Не даю я друзьям в долг... Плохо это влияет на дружбу.

СЕНЯ. А послать друга подальше? Укрепляет дружбу? *(Хохочет.)* Я тебе дам, Гриш. Скоро. Получу и дам.

Все снова выпивают.

Ты, Мотинька, главного не знаешь! Князь научился детей заводить без баб!

ГРИША *(жуя)*. В пробирке?

АРХИПОВ. В какой пробирке? Взял девку молодую с Украины, анализы, все дела... Девчонку рождает — пятнадцать, парня — тридцатка. Рождает, забирает деньги и — привет. Знаешь, какой пацан получился? Все у ребенка есть, вот так вот.

ГРИША. А мама?

АРХИПОВ. Какая мама? У него гувернанток, нянек... В этом году еще троих заделаю!

СЕНЯ. Князь, откуда у тебя столько денег, а? Не хочешь, не говори.

ГРИША. «Питайся ими и молчи».

Все, кроме Архипова, смеются.

СЕНЯ. Девка с Украины... М-да. А уругвайка у кого-нибудь была?

ВСЕ. Уругвайка?!

СЕНЯ. Короче, ребят, выступление, полнейший успех, девки так и виснут, одну затаскиваю в койку. Представляете, ребят, уругвайка! Учится тут. Я ее спрашиваю: «Папа и мама уругвайцы?» — «Да, — говорит, — уругвайцы». — «Бабушка с дедушкой — уругвайцы?» — меня прямо любопытство разбирает. Чистая уругвайка! — «Уругвайцы, — говорит, — все уругвайцы». — «И по материнской линии, и по отцовской? Все-все?» Тут она, знаете, что говорит — уругвайка! — «Зая, ты идиот?» *(Хохочет.)*

Все смеются, кроме Антипова. Тот страшно расстроен.

СЕНЯ. Ты чего, Губошлеп?

АНТИПОВ *(почти плачет)*. Сень, ты хоть и... творческая личность, но... Катя... И уругвайка!.. Не могу, грязь!

СЕНЯ. Слушай, у нас с Гришей в третий раз уже... рокировка.
Антипов. Отдайте мне Катю!
СЕНЯ. Катю тебе, Губошлеп? Вот это видел? Через мой...
Антипов *(вскакивает)*. Да раньше за такое — стрелялись! Через платок!
СЕНЯ. Стрелялись. Точно! Гришка, чуть не забыл! Машина открыта, Князь?
Архипов *(нажимает кнопку на брелке, ворчит)*. Открыта, открыта...
Андронников. Еще пара опусов.
Архипов. Да Гришке книг и так девать некуда...
СЕНЯ *(уже с порога)*. Ваша эстетическая позиция, Князь, интересна постольку, поскольку у вас есть бабки! *(Смеется, уходит.)*
Архипов. В одно ухо влетает, в другое вылетает.
Андронников. Зая.
Архипов. Ничего святого нет у человека. *(Мрачно наливает.)* За мужскую дружбу, мужики. Поехали.

Пьют. Сеня возвращается.

СЕНЯ. Ой, ребята, вышел я, на снег побрызгал... Смотрю в небо — там звезд!.. *(Протягивает Грише духовой пистолет.)* Дарю! Стреляет — как настоящий!

Одноклассники набрасываются на пистолет, рассматривают его, заряжают. Первым стреляет Гриша, по пустым бутылкам, все время промахивается. Сеня, Антипов выхватывают у него пистолет, тоже стреляют мимо. Веселье возобновляется, все пьют, палят из пистолета. Наконец он достается Архипову. Почти не целясь, Архипов разбивает несколько бутылок.

ГРИША *(в восторге)*. Ай да Князь! *(Ставит себе на голову бутылку.)* Огонь! Пли!

Архипов сбивает выстрелом бутылку с Гришиной головы. Рядом с Гришей становится Антипов, поворачивается спиной.

Антипов. Сильно бьет? В жопу мне стреляй, Князь!

Архипов. В жопу сам себе стреляй. *(Отталкивает от себя пистолет.)* Мужики, в тир ко мне приедете, вот где отдохнете. Из автоматического оружия, из гранатометов, из противотанковых винтовок... А в жопу пусть Лифчик стреляет. Бери, целься!

Андронников. Никогда не брал в руки оружия и не буду. *(Ему суют пистолет, он прячет руки за спину.)*

Антипов *(подбегает к Андронникову, целует его)*. А я ни разу в жизни человека по лицу не ударил!

СЕНЯ. Лифчик, давай анализы сдадим послезавтра, а? Губошлеп, садись. Хозяин тост скажет.

ГРИША. Товарищи!

ВСЕ. Уже хорошо!

ГРИША. В пушкинском смысле... Товарищи, выпьем за наше поколение. Мы не совершили ничего героического. Зато когда у нас будут дети — у Князя уже потомство, — мы не станем шпынять их, как нас шпыняли: мы в твоём возрасте... За столько лет — ни одного подвига...

ВСЕ. Не, Гриш. Мы не будем за такое пить. Ну тебя, Гриш! Мы отдыхать приехали.

Антипов. За нас, за миленьких!

СЕНЯ. И чтоб помнить только хорошее! А все плохое давайте не помнить, ребята!

Все чокаются, пьют, потом возобновляется беспорядочная стрельба, потом меркнет свет. Выстрелы становятся редкими, и в полной уже темноте раздаётся последний выстрел. Долгое время стоят тишина и мрак. Наконец, светает. Гриша, Антипов, Архипов лежат головами на столе, Сеня сидит на стуле в неестественной позе. Один лишь Андронников спит в кровати.

сцена вторая ПРОСТО ПОРФИРИЙ

Порфирий один с книгой.

ПОРФИРИЙ (*читает*). Устанавливать порядок, объединять сердца... (*Потягивается.*) О-хо-хонюшки-хо-хо...

Входит Никита. За ним — Гриша, Антипов, Архипов, Андронников. У троих последних под левым глазом одинаковые синяки.

НИКИТА. Москвичи у дяди Гриши человека подстрелили!

ПОРФИРИЙ (*не отрываясь от чтения*). Москвичи... Чередят... (*Вздыхает.*) Дышит?

Никита отрицательно мотает головой.

ПОРФИРИЙ. Значит, не под-стрелили, а при-стрелили, Никитушка. Или застрелили, это уж как тебе больше нравится. Хотя что тут может понравиться?

Никита кладет паспорта подозреваемых Порфирию на стол. Достает целлофановый пакет с пистолетом и тоже кладет его на стол. Порфирий вчитывается в паспорта, рассматривает пистолет.

ПОРФИРИЙ. Где обнаружено оружие преступления?

Никита указывает на Андронникова.

НИКИТА. У Лифчика под подушкой.

ПОРФИРИЙ. Никита! Что за выражения! Куда произведен выстрел?

Никита показывает: в ухо.

ПОРФИРИЙ. На себе не показывай. (*Подозреваемым.*) Нашу пили, полынную?

Одноклассники согласно кивают.

(*Никите.*) С формальностями покончено? Объяснения взял?

Никита кивает. Антипов, Архипов, Андронников трогают ушибленные места.

Ничего?

НИКИТА. Ничего.

ПОРФИРИЙ (*сокрушенно качает головой*). Ни-че-го. Артемизия вульгарис. Трава забвения. Ах, дядя Костя... Ничего-ничего?

Никита отрицательно мотает головой.

Чей револьвер?

Антипов, Архипов, Андронников (*указывая на Гришу*). Его!
Порфирий (*спохватываясь*). Господа, да что же это мы стоим? (*Приглашает Гришу сесть напротив себя*.) Прошу.

Гриша садится.

НИКИТА. А покемонов куда?

ПОРФИРИЙ. Покемонов? (*Хихикает.*) Не покемонов, Никитушка, а подследственных. Пусть, я думаю, посидят. А ты, Никитушка, пойдй осмотри еще раз дом хорошенько. Может, интересненькое чего-нибудь обнаружишь...

Никита отводит Антипова, Архипова и Андронникова в просторную клетку, расположенную в дальней части комнаты, и уходит.

ПОРФИРИЙ (*Грише*). Григорий Глебович, позвольте представиться. Порфирий.

ГРИША. Порфирий... (*Ждет отчества.*)

ПОРФИРИЙ. Просто Порфирий. Как самочувствие, Григорий Глебович?

ГРИША. Да не фонтан.

ПОРФИРИЙ. Да... Печально это, правда? Грустно.

ГРИША. Не то слово.

ПОРФИРИЙ. Тяжело. Но как-то надо жить дальше, а?

ГРИША. Не уверен.

ПОРФИРИЙ. А я уверен. Жизнь не заканчивается.

ГРИША. Одна только что закончилась.

ПОРФИРИЙ. Прискорбно. Весьма и весьма. Вот что, расскажите-ка мне о товарищах.

ГРИША. Товарищи...

ПОРФИРИЙ. Питаю надежду, что мы с вами, Григорий Глебович, тоже станем товарищами... И очень скоро. Не подумайте, не навязываюсь... Товарищи ваши, Григорий Глебович, сколько я мог заметить, называют друг друга различными остроумными именами... Не потрудитесь ли сообщить следствию происхождение этих имен?

ГРИША. Антипова зовут Губошлепом.

ПОРФИРИЙ. Потому что губами шлепает? Так шлеп-шлеп, да? Архипов?

ГРИША. Архипов — Князь.

ПОРФИРИЙ. Почему Князь?

ГРИША. Потому что, он, вроде, князь... Не знаю...

ПОРФИРИЙ. Князь? Ну да... А Андронников, извиняюсь за выражение...

ГРИША. Лифчик. В школе фамилия его была «Лифшиц». В десятом классе сменил.

ПОРФИРИЙ. Зачем же менять такую красивую фамилию? Лифшиц...

ГРИША. Правда, зачем?

Пауза.

ПОРФИРИЙ. А покойный? (*Заглядывает в документы.*) Евсей Арнольдович Амстердам. Он что за человек был?

ГРИША. Сеня — хороший, легкий... Писатель. Мы с ним дружили.

ПОРФИРИЙ. Писателем был одаренным?

ГРИША. Я... Я его давно не читал, да и... в этом ли дело?

ПОРФИРИЙ. Знаете ли, тут нет мелочей... Запишем так: покойный был писателем небольшим, но приятным. А? Что вы скажете?

Гриша пожимает плечами.

Кто бы его мог застрелить, как вы думаете?

Гриша. Кто-то из нас четверых. Не знаю.

Порфирий. И... прошу меня извинить за фантастическое предположение... И вы?

Гриша. В пьяном безобразии чего не сделаешь? Кажется, нечему уже удивляться, а вот...

Порфирий. Послушайте, Григорий Глебович, застрелить товарища — скверно, конечно, но все-таки — куда ни шло. Но спрятать орудие убийства под подушкой у другого товарища... В такое злодейство поверить непросто, а?

Гриша. Это ваша работа — искать преступника.

Порфирий *(всплескивает руками)*. Вот! Ваша работа! А ваша? Самогон, что ли, пить, а? Ну что вы такое говорите, Григорий Глебович... Впрочем, понимаю, больше того — разделяю ваше отчаяние... Зачем вы вчера собрались?

Гриша. Как-то всегда на масленицу... Одноклассники, посидеть. Неловко отказываться...

Порфирий. Ужасно. Теперь вам и в дом свой войти, вероятно, боязно.

Гриша. Да чтоб он сгорел, этот дом!

Порфирий. Ну-ну-ну... Это вы в сердцах...

Гриша. Порфирий, если вы с таким именем и, я уверен, квалификацией, не найдете виновного, я не смогу больше жить.

Порфирий. Мы будем стараться, Григорий Глебович. Преступление не останется без наказания.

сцена третья ВЫ И УБИЛИ

Порфирий и Антипов сидят за столом. Остальные в клетке.

Порфирий. Третий час мы с вами, голубчик, беседуем, обедать скоро уже принесут... Чем нас, интересно, сегодня покормят?

Антипов. Кто же Сеню убил, по-вашему?

Порфирий. Вы и убили.

Антипов. Я?! *(заливается слезами.)* Из-за чего?!

Порфирий. Не из-за чего, а из-за кого.

Антипов. Катька — сволочь.

Порфирий. Из-за нескольких сантиметров роста предпочла вам...

Антипов. Нет, я — не мог.

Порфирий. Не могли? На чем же основывается ваша уверенность, позвольте спросить?

Антипов. Я ни разу в жизни человека по лицу не ударил.

Порфирий. Могу вас поздравить: у покойного нет на лице побоев.

Антипов *(все плачет)*. Нет, я не мог. А разница в росте меня не интересовала...

Порфирий. Конечно, двадцать каких-нибудь сантиметров...

Антипов. Не двадцать. А восемнадцать. *(Обеими руками утирает слезы.)*

Порфирий. Что вы, честное слово, сырость тут развели? *(Роемся в ящичке стола.)* Вот, примите, пожалуйста, шоколад. *(Разворачивает конфету и протягивает.)*

ет ее собеседнику.) Как далеко распространяются ваши воспоминания вчерашнего вечера?

Антипов. Катька в Париж уехала. Я расстроился... Всё.

Порфирий. Кто же, вы полагаете, мог застрелить Амстердама?

Антипов (*успокаиваясь*). Кто угодно, только не я. Хоть Лифчик. Фамилию поменял? Поменял. Характер такой, пронырливый. Значит, и убить мог.

Порфирий. Смена фамилии, полученной от рождения, поступок, согласен, неблагоприятный. В результате этой истории одним Лифшицем стало меньше... Но, согласитесь, существует разница... (*Задумывается, потом смотрит на часы.*) Чего-то Никитушка не идет, не несет нам ням-ням... Ну, шлепайте к себе, голубчик. Не в службу, а в дружбу — позовите его сиятельство, князя.

Антипов уходит, приходит Архипов. Он настроен насмешливо-высокомерно.

Архипов. Вызывали? (*Разглядывает форму Порфирия.*) Смотри-ка, какой молодой, а уже юрист третьего класса!

Порфирий. В ведомстве, по которому я служу, рост происходит весьма постепенно. Жизнь — она длинная... У нас нет такого, чтобы, как говорится, из грязи — да в князи.

Архипов (*зло*). К делу. Кто Сеньку убил?

Порфирий. Как то есть — кто? Вы и убили!

Архипов. Кто — я?! Чтобы я из этой фитюльки стрелял? Про фирму «Архипов и сыновья» слышал? У нас и автоматическое оружие, и гранатометы, и противотанковые винтовки... Чтоб я сам марался?! Охране мигнул, вас всех бы закрыли!.. Эх, кабы не пост!..

Порфирий (*с печалью*). Вы и убили.

Архипов. Зачем мне в Сеньку стрелять? Мне же Сенька как брат!

Порфирий. Сколько можно судить... покойный ведь был безнравственный человек?

Архипов. А... (*машет рукой*), все из-за баб. Все зло на земле из-за баб.

Порфирий. Раз уж вы сами затронули деликатную тему, то не потрудитесь ли рассказать об однокласснице вашей Екатерине?

Архипов. Катя... (*Задумывается. Потом говорит с неожиданной страстью.*) Джинсы носит. Зад у нее, знаете, такой плотный, нервный, как у «феррари». Нет, «мазерати». Понятие имеете?

Порфирий. Да как вам сказать... В нашей местности шире представлены автомобили отечественного производства. Гужевого транспорт...

Каждый задумывается о своем.

Кто же такое злодеяние мог совершить?..

Архипов. Из мужиков никто.

Порфирий. Кто-то ж, однако, убил его, а?

Архипов. Может, эти...

Порфирий. Кто?

Архипов. Третьи лица?

Порфирий. У вас там присутствовали третьи лица?

Архипов. Нет, третьи лица — у вас. Мальчишка, допустим, соседский зашел, там... через окно...

Порфирий. У нас не ходят через окно...

Архипов. ...Видит — дядьки устали, спят, взял игрушку побаловаться... И...

Порфирий. Соседский мальчик... Уж не намекаете ли вы на нашего молодого специалиста Никиту, а? Третьи лица... *(Кажется, впервые выходит из себя.)* А ведь это низость, князь! Низость и глупость. Никита... Почти ребенок! Зайти, выстрелить пьяному в ухо — ну, это ладно, но дальше — послушайте! — дальше! — чудную вещь — духовой пистолет — не в карман себе спрятать, заметьте, и не за пазуху! И не себе под подушку! — а какому-то Лифчику! Гадость какая! Ступайте, князь!

Архипов готовится уйти, но вдруг обращается к Порфирию с жалкой речью.

Архипов. Слышишь, мужик, если обидел чем, ты прости. Может, меня, это, а?.. *(Жестом показывает, что его надо выпустить из-под стражи.)* Пацана без матери воспитываю... Эх! Дождешься от вас...

На месте Архипова оказывается Андронников.

Порфирий. Наконец-то, наконец. Рад. Очень ждал нашей встречи.

Андронников. Чему это вы так рады?

Порфирий. Первый ученик, гордость школы, медалист! Победитель олимпиад!

Андронников. Что было, то было.

Порфирий. Одному удивляюсь, как это вы, с вашим умом и талантом...

Андронников. С душой и талантом.

Порфирий. Да, да, с душой и талантом... Простите, давно не перечитывал... Ах, голубчик, вы меня сбили. Как догадал вас Бог...

Андронников. Черт.

Порфирий. Не поминайте имя врага рода человеческого...

Андронников. Это не я.

Порфирий. Не вы?

Андронников. Пушкин.

Порфирий. Словом, как оказались вы в дурной компании? Расскажите мне про друзей.

Андронников. Какие они мне друзья? Напоили и пистолет подбросили!

Порфирий. Подбросили? Да вы сами его под подушку сунули. Не валяться же такой симпатичной вещице где ни попадя. *(Достает пакет с пистолетом, рассматривает его.)* Красивая вещь!

Андронников. Отпечатки пальцев проверьте.

Порфирий. А чего проверять? Все стреляли, все трогали. Красивая вещь, я и сам бы потрогал.

Андронников. А вы проверьте, проверьте. Вдруг я не трогал?

Порфирий. Мы проверим, проверим. Так вы расскажете о... скажем так, о товарищах?

Андронников. Чего рассказывать? Гриша — пьяница и неудачник. Губошлеп — сентиментальный дурак. Князь — сами видели.

Порфирий. А что наш aut bene, aut nihil?

Андронников. Творческая личность. Проще сказать — потаскун. Плюс тяга к алкоголю и к легким наркотикам. Любимая еда — пряники с гашишем. Где Амстердам, там гашиш. Слышали молодежное: «Скажи наркотикам иногда». Это его, Сенино.

Порфирий *(кивает)*. Личная неприязнь.

Андронников. Какая еще неприязнь? Медицинский факт.

Порфирий. Что ж делаете вы с вашим умом... ах, опять, простите, в столь малопочтенном обществе?

Андронников. Нравы изучаю. Дух времени. Цайтгайт.

Порфирий. А какого вы, разрешите справиться, мнения об Екатерине Андреевне?

Андронников. Катя... Доктор Шпиллер. Знаете, где работает? В подростковом кабинете. Нашла себя. Помогает мальчикам проблему решать.

Порфирий. Да, мальчишки часто хворают... *(Вздыхает.)*

Андронников. Не проблемы, а проблеме. Нашим всем помогла.

Порфирий. Антипову?

Андронников. Разумеется.

Порфирий. Архипову?

Андронников. О, само собой.

Порфирий. Вам?

Андронников. Мерси. Не интересуюсь.

Порфирий. Так и... хвораете?

Андронников. Лучше так, чем как Амстердам. *(Изображает выстрел себе в ухо.)*

Порфирий. Он, по-вашему, ушел из жизни самостоятельно?

Андронников. Именно. Закономерный финал. Суицид.

Порфирий. А пистолет?

Андронников. Пистолет под подушку мог спрятать другой.

Порфирий. И вы?

Андронников. Я — нет. Зачем же мне его самому к себе под подушку прятать?

Порфирий. Да, аргорос, почему вы спали в кровати?

Андронников. Я всегда сплю в кровати.

Порфирий. Привычка, стало быть... Знаете что? *(Весело.)* Давайте будем оставаться в рамках реальности... И здравого смысла, а? *(Мрачно.)* Мы с вами не дети. Амстердама убили.

Андронников *(стараясь быть спокойным)*. И кто, по-вашему, это сделал?

Порфирий. Вы знаете ответ, господин Лифшиц. Простите, Андронников. Идите, вас обо всем известят.

Андронников отправляется в клетку. Порфирий принимается за чтение. Вбегают Никита, весь в саже. Порфирий сидит спиной к нему. Говорит, не поворачивая головы.

Ты, Никитушка?.. Чего топчешь? Подследственные отдыхают... Не покемоны они, нет... Другое слово... Нашел вот, послушай. *(Читает.)* «А фендриков, ежели где соберутся, разгонять фухтелями...»

НИКИТА. Где ж мы возьмем фухтелей?

Порфирий *(жестом просит не перебивать)*. «...Разгонять фухтелями, понеже что фендрик фендрику скажет умного?» Указы Петра Великого. *(Нюхает воздух.)* Пахнет гарью.

Наконец оборачивается, оглядывает Никиту, всплескивает руками.

Никитка, паршивец, курил!

Никита склоняет голову, признавая факт курения.

Курил, стервец, а на столе зеленая гадость — и занялась!

Никита согласно кивает.

Потушили?

Никита отрицательно мотает головой.

Одни головешки, а?

Никита снова кивает.

Ресницы подпалил, негодник... *(Декламирует.)* Мальчик трубочку курил, / огонечек уронил...

НИКИТА. В доме сделался пожар, / этот мальчик убежал.

Порфирий замечает в руках Никиты толстую тетрадь в замшевом переплете.

ПОРФИРИЙ. Все, что осталось? Как же ты, а? Без обеда... Никитка, Никитка, не твой сегодня день. Ай-ай-ай. Вот он, человеческий фактор...

сцена четвертая ГОРЕНИЕ ВЕЩЕЙ

Следующее утро. Там же. Порфирий и Гриша.

ПОРФИРИЙ. Не буду от вас скрывать, Григорий Глебович. Положение у следствия пиковое. Следствие зашло в тупик.

ГРИША. Знаете, что однажды сказал мне один большо-о-ой человек? Никогда не входите в положение начальства.

ПОРФИРИЙ. Помилуйте, Григорий Глебович, какое я вам начальство? Я завишу от вас не меньше, чем вы от меня. Да, между прочим, помните ли, что изволили сгоряча проронить про дом свой?

ГРИША *(кивает)*. Ага. Чтоб сгорел.

ПОРФИРИЙ. Именно, именно. Чтоб он сгорел! И желание ваше осуществилось, и даже скорее, чем вы рассчитывали. Дом сгорел.

ГРИША *(сокрушенно)*. Ну вот. Убийство, теперь пожар.

ПОРФИРИЙ. Пожар есть горение вещей, горению не подлежащих. Вот вам, Григорий Глебович, «Пожарный кодекс», коли не верите. *(Предлагает Грише книгу, тот жестом отказывается.)* Горение вещей, горению не подлежащих. Станем ли утверждать, что дом ваш, оскверненный убийством товарища, не подлежал горению?

ГРИША *(машет рукой)*. В общем... Туда и дорога.

ПОРФИРИЙ. Англичане именуют подобные события актом вмешательства высших сил. Уцелела только вот эта тетрабочка.

ГРИША *(с неожиданной страстностью)*. О, давайте, давайте!

Порфирий передает Грише тетрадь, из нее выпадает записка. Порфирий ее подбирает.

ПОРФИРИЙ. Григорий Глебович, вы позволите? Простите меня сердечно, я до всякого чтения охоч.

Гриша безучастно пожимает плечами. Порфирий читает.

«Отдать дяде Косте восемнадцать рублей и пипку». Вы, стало быть, Григорий Глебович, находитесь в стесненных обстоятельствах. Другие долговые обязательства у вас имеются?

Гриша отрицательно мотает головой.

Порфирий. Вот что, мы эти восемнадцать рублей отправим с Никитой... А с вами позже сочтемся, когда снова будете при деньгах. Ну, а без пипки дяде Косте предстоит обойтись... Пипка в огне погибла. Форс-мажорные обстоятельства. Дядя Костя должен понять. За деньги благодарить не стоит. Мы ведь — не так ли? — товарищи?

Встает, ходит.

Григорий Глебович, позвольте задать вам вопрос, от решения которого очень многое может зависеть в ходе дальнейшего разбирательства. Как бы вы трех ваших товарищей аттестовали, если б понадобилось, одним каким-нибудь *(щелкает пальцами)* словом?

Гриша. Они неплохие ребята, я к ним привык.

Порфирий. Ну, а одним словцом?

Гриша *(задумывается)*. Неотомисты.

Порфирий. Вот это новость! Губошлеп, Лифчик и Князь — последователи Фомы Аквинского. Скажите пожалуйста!

Гриша. Какого такого Фомы? *(Впервые улыбается.)* Неотомисты — потому что всё не о том.

Порфирий *(смеется)*. Неотомисты, ах, замечательно! Неотомисты... *(Задумывается.)* Лучше, чем фендрики, определенно лучше, да только тоже... мало чего дает.

Пауза.

Гриша. А если не выйдет узнать виноватого?

Порфирий. Ох, Григорий Глебович, что начнется... «И Вавилон, краса царств, будет ниспровержен, как Содом и Гоморра».

Гриша. Гоморра-то чем виновата?

Порфирий. Содом и Гоморра, Григорий Глебович, всегда вместе.

Гриша. Гоморра, значит, как Нагасаки... *(После паузы.)* Вы откуда так хорошо знаете... первоисточники?

Порфирий. Изучать, как вы остроумно изволили выразиться, первоисточники — наша обязанность.

Гриша. Вы и водки не пьете, я слышал.

Порфирий. Водки не пьем, не курим и говорим только правду.

Гриша. Правду? И кто позволил вам говорить только правду?

Порфирий. А кто позволил вам водку пить?

Гриша. Неудобно, наверное, человеку с такими... идеями на вашей работе.

Порфирий. Сыновнее послушание, Григорий Глебович. Пятая заповедь: почитай родителей. Они меня нарекли Порфирием. Чем еще прикажете заниматься с эдаким именем?..

Пауза.

Мне неудобно быть с вами неоткровенным. Тетрадочку вашу я... полистал.

Гриша *(оживляется)*. Я так и думал. И что?

Порфирий. Есть очень привлекательные места, позвольте выразиться, мемуарно-поэтического характера. (*Листает тетрадь.*) Хоть это: Река времен в своем стремленьи / Уносит мелких карасей / И даже рыбу покрупнее, / К примеру, крупных лососей. // А я хочу, как рак, забиться / В глубокий ил. И видеть сны, / И, как подснежник, пробудиться / При светлом празднике весны¹.

Гриша (*помрачнев*). Всякое бывает... Отдайте.

Порфирий. Извольте.

Гриша (*прижав тетрадку к себе и успокоившись*). В общем, это все, конечно, для девятого тома... Туда, где мелочи.

Порфирий. Зачем же, Григорий Глебович, девятый том сочинять прежде первых восьми?

Гриша. Видите, мне хотелось, чтоб, с одной стороны — повеселее, а с другой — тоже, как вам, чтоб правда.

Порфирий (*качает головой*). С одной стороны, с другой стороны... Не все медаль, что о двух сторонах, Григорий Глебович.

Пауза.

Надо признать, что дневник ваш, несмотря на некоторую его веселость, — очень грустное чтение... Не лишенное, разумеется, известного обаяния. Что же вам делать, а? Дом ваш восстановлению не подлежит... Вы приняли известие о гибели имущества своего с большой сдержанностью. Было ли оно застраховано?

Гриша (*усмехается*). Как вы думаете? Теперь я — беспаспортный бродяга.

Порфирий. К чему эти чувствительные определения, Григорий Глебович? Во-первых, паспорт ваш находится у нас (*потрясает Гришиным паспортом*), а во-вторых, вы можете претендовать на государственную квартиру — как погорелец и как молодая семья!

Гриша. Я одинок.

Порфирий. Ох, ужас какой! (*Смеется*.) Вы это так сказали! А по документикам выходит — не совсем одиноки! Извольте полюбоваться — штамп о регистрации вашего брака с Екатериной Андреевной Амстердам, урожденной Шпиллер.

Гриша. Я и забыл про нее.

Порфирий. Странно, Григорий Глебович... Простите, что не в свое дело мешаюсь, но на правах старого товарища вашего замечу: вы представляетесь исключительной парой. У вас гуманитарное образование, у супруги вашей — биологическое...

Гриша. Да... Естественнонаучное...

Появляется Никита.

НИКИТА. Вас ожидает гражданка Шпиллер.

сцена пятая **ГРАЖДАНКА ШПИЛЛЕР**

Гриша вдруг приходит в страшное волнение.

Гриша. Порфирий, я за себя не ручаюсь! В клетку меня, в клетку! И запереть!

¹ Неопубликованное стихотворение Дмитрия Самойлова (1958—2005).

Порфирий. Не беспокойтесь, Григорий Глебович. Сделаем.

Порфирий хлопочет. Ему надо успеть запереть Гришу, выпроводить остальных подследственных, не допустить их встречи с Катей. Он выпускает Антипова, Архипова и Андронникова из клетки, запирает в ней Гришу.

А эти... пусть погуляют. Подследственным требуется свежий воздух. Обеспечь конвоирование, Никита! Господа, вам полагается прогулка!

В дверях подследственные все-таки сталкиваются с Катей. Антипов и Архипов смотрят на нее с вожделением, Андронников — с ненавистью.

Архипов. Уу... Кусок жопы! *(Щелкает зубами.)* Кабы не пост...

Антипов. Не стареет, сволочь! *(Заливается слезами.)*

Андронников *(зло)*. Есть еще пудра в пудренице.

КАТЯ *(Антипову с Архиповым)*. Мальчишки, привет! *(Андронникову.)* Здорово, дядя! Все болеешь? *(Хохочет, показывая крупные белые зубы.)*

Порфирий *(Кате)*. Так, доктор, мы сейчас с вами поговорим... Вы б Никитку пока нашего глянули, а? Беспокоит меня его состояние.

КАТЯ. Что — проблема? *(Хохоча, отводит Никиту в сторону, помогает растегнуть пуговицы, ощупывает.)* Голова болит? Сердце болит? Легкие болят? Печень болит? Почки болят?

Порфирий набрасывает на клетку с Гришей огромную простыню.

Гриша. Что б ни случилось, Порфирий, не выпускать. Даже если сам попрошу!

Порфирий. Тише, тише, Григорий Глебович...

Катя, закончив консультацию, возвращается.

КАТЯ. Никита ваш — вылитый Купидон. Абсолютно совершенно.

Порфирий. Екатерина Андреевна, очень признателен за консультацию. Даже не знаю, как вас благодарить...

КАТЯ. Не знаешь?

Порфирий. Не знаю.

КАТЯ *(смотрит на него внимательно)*. Дядя, а ты случайно не алкоголик?

Порфирий отрицательно мотает головой.

Гриша *(подает реплику из клетки)*. И не бабник!

Катя снова хохочет, показывая все зубы.

КАТЯ. Гришку выпусти.

Порфирий. Екатерина Андреевна, при всем уважении к вам и представляемой вами гуманной профессии — сие невозможно.

КАТЯ. Абсолютно совершенно?

Порфирий. Всякое взаимодействие с подследственным, а Григорий Глебович находится именно в этом статусе, запрещено законом.

Катя грустит.

КАТЯ. Гриша не убивал. Абсолютно совершенно.

Порфирий. Мы... тоже склоняемся к этому мнению, Екатерина Андреевна.

Гриша. Порфирий, выпусти меня. Слышишь? Выпусти!

КАТЯ. Видите, как любит меня.

Порфирий. Скажите, а вас он убить не грозил? Бывает, знаете, между супругами... Нет чтобы объясниться, поговорить... *(Вздыхает.)* Все от стыдливости нашей, застенчивости...

Гриша. Порфирий, гад, запер! Пусти! Слышишь? Ну я вам сейчас покажу!

Слышен треск дерева, скрежет железа.

КАТЯ. Грозил, грозил, говорит: я бы тебя убил, если б знал, куда труп спрятать. Вот как он сильно любил меня. Нет. Это Сеня говорил. Абсолютно совершенно, Сеня.

Порфирий *(прислушивается, к происходящему в клетке, спрашивает рассеянно)*. Покойный в разговоре с товарищами сообщал, что вы находитесь во Франции. Как доехали?

КАТЯ. Во Франции? В какой Франции? *(Хохочет.)* Сенька все выдумал. Он же писатель.

Порфирий. Не припомните ли свой последний разговор с ним?

КАТЯ. Ты чего, говорю, Сень? Да ничего, говорит.

Порфирий. А голос такой был, как будто... чего-то?

КАТЯ. Да, а говорит: ничего.

Порфирий понимающе кивает. Гриша продолжает буйствовать.

КАТЯ. Сеня все спрашивал, есть ли у него дар. *(Изображая Сеню.)* А большой у меня дар?

Порфирий. Размерами дарования своего, стало быть, интересовался...

КАТЯ. У кого больше дар — у меня или у Гриши? Еще что? *(Задумывается.)* Любил, чтоб ему руки целовали. *(Снова изображает.)* Почему ты никогда не целуешь мне руки?

Порфирий. А вы?

КАТЯ. А я целовала. Мне сложно, что ли?

Порфирий *(совершенно потерявшийся)*. А... Григорий Глебович?

КАТЯ. А Гришка все говорил: ты меня любишь как персонажа. А это он сам себя любит как персонажа...

Порфирий. А вы?

КАТЯ *(пожимает плечами)*. А я его просто любила...

Порфирий. Кто все-таки, с вашей, естественнонаучной, точки зрения, убийца?

КАТЯ. Губошлеп.

Порфирий *(кивает)*. Следствие рассматривает данную версию... Позвольте спросить...

КАТЯ. Потому что — козел... Или Князь. Вот уж!.. Или...

Порфирий. Андронников.

КАТЯ. Лифчик — тоже, конечно, козел тот еще!

Порфирий *(встает, в знак окончания допроса)*. Благодарю вас, Екатерина Андреевна, вы очень нам помогли. Очень. Много больше, чем сами думаете.

КАТЯ *(зовет)*. Купидо-он! *(Уходит.)*

Порфирий отпирает Гришу, заходит к нему в клетку, осматривает искореженные прутья решетки. Гриша в изнеможении лежит на обломках скамьи. Порфирий подсаживается к нему.

Порфирий. Я ведь, Григорий Глебович, в отношениях между полами не слишком большой специалист...

Гриша. Оперативно-розыскная работа, Порфирий, не заменяет женской любви.
ПОРФИРИЙ. Что мне известно? Поцелуй передает инфекцию...

Гриша. Половой акт (*зевает*) — это сложный психофизиологический процесс...

Гриша засыпает, Порфирий оглядывает учиненные им разрушения.

ПОРФИРИЙ. Ну и силища! Сильны вы, Григорий Глебович, как Самсон. Сказать ли вам, кто был первым русским человеком? Да-да, Самсон. «И как она словами своими тяготила его всякий день и мучила, то душе его тяжело стало до смерти...» Чувствуете? До смерти... «Филистимляне идут на тебя, Самсон! Он пробудился от сна своего, и сказал: пойду, как и прежде, и освобожусь». Спите, спите, светлых вам снов.

Никита возвращает подследственных с прогулки.

ПОРФИРИЙ. Тсс... Григорий Глебович спит. (*Сдвигает стулья.*) Андронникова сюда, вы двое на полу. Тут ложитесь. И не шумите... Тсс.

сцена шестая ДЕМОН ПУСТЫНИ

Предрассветные сумерки. Порфирий переговаривается с Никитой.

ПОРФИРИЙ. Никит, как думаешь, кто?

НИКИТА. Лифчик.

ПОРФИРИЙ. Почему он?

НИКИТА (*пожимает плечами*). Чего спрашивать?

ПОРФИРИЙ (*размышляет*). Пистолет под подушкой... В доме одна подушка? Теперь не узнаешь... Ты, Никит, пистолет где хранишь?

НИКИТА. Под подушкой.

ПОРФИРИЙ. Вот видишь... Гордость класса, победитель олимпиад... Ни мотива, ни отпечатков... И никто ничего не помнит... Ничего...

НИКИТА. Ничего...

ПОРФИРИЙ. Хворь... Хворь у него какая-то... Все негативная, так сказать, симптоматика. Понимаешь, о чем я, Никитушка?.. Всё это...

НИКИТА (*ухмыляется*). Начинается на «г», кончается на «о»...

ПОРФИРИЙ. Именно, именно, голословно. Екатерина Андреевна, твой лечащий доктор, словечко одно сказала...

НИКИТА. Козлы?

ПОРФИРИЙ. Да, Никитка, козлы. Покемоны, неотомисты, фендрики... Нет, козлы! Вот оно! (*Погружается в размышления.*) «И козла, на которого вышел жребий для отпущения, отошлет в пустыню, чтоб понес на себе беззакония их в землю непроходимую». К черту, Никитушка, их отсылают, к черту — к демону пустыни. К нему собираются человеческие грехи. Этот демон мужчин научил изготавливать оружие, а женщин... (*В волнении.*) Женщин — лицо красить! (*Успокоившись.*) Обратил внимание? — у гостей наших уже и бородки козлиные выросли!

НИКИТА (*смеется*). Ме-е...

ПОРФИРИЙ. Как поступим, Никитка, дружок? Козлов отпущения положено того, со скалы... А у нас-то местность равнинная...

НИКИТА. А мы их с лестницы!

ПОРФИРИЙ. И то. С лестницы.

Светает.

Антипов! Архипов! Андронников! Подымайтесь-ка, господа!

Те, заспанные, встают, выстраиваются перед Порфирием.

НИКИТА. С вещами на выход!

ПОРФИРИЙ. Проводи гостей! Господа, идите к черту!!! *(Швыряет им паспорта.)*

Слышно, как Андронников, Антипов и Архипов скатываются с лестницы под веселые крики Никиты.

НИКИТА. Первый пошел! Второй пошел! Третий пошел! Пошли к черту! Козлы!

сцена седьмая ИСКУПЛЕНИЕ

Гриша просыпается, выходит из клетки. Его ждет Порфирий.

ГРИША. Где все?

ПОРФИРИЙ. Ушли. Все ушли.

ГРИША. Куда, Порфирий?

ПОРФИРИЙ. Если я скажу — в пустыню, к демону, вы ведь мне не поверите, Григорий Глебович?

ГРИША. Не поверю, потому что демонов *(потягивается, он еще до конца не проснулся)* не существует.

ПОРФИРИЙ. Хорошо. Ушли. Просто — ушли. *(Улыбается.)*

ГРИША *(теперь проснувшись)*. Выяснили? Я, да? Я застрелил Сеню?

ПОРФИРИЙ. Нет, Григорий Глебович, кто застрелил товарища вашего, никому не известно. Вернее, кому-то известно. Не нам. Известно тому, кому все известно.

ГРИША. Я, если честно, к подобным вещам...

ПОРФИРИЙ. Понимаю, Григорий Глебович, понимаю ваш нравственный выбор. Хоть и не могу сказать — одобряю. Однако согласитесь и вы со мною, что вообще-то, кто застрелил Амстердама, известно.

ГРИША. Да... Пожалуй, что так.

ПОРФИРИЙ. Мы дерзновенно рассчитывали приобщиться этому знанию.

ГРИША. Не вышло.

ПОРФИРИЙ. Увы. Не в человеческих силах постичь, кто выстрелил товарищу вашему в ухо. Что делать...

ГРИША. Они далеко ушли?

ПОРФИРИЙ. Далеко... Они далеко ушли.

ГРИША. Ну, что... И я, вероятно, пойду?

ПОРФИРИЙ. «Забиться в ил и видеть сны...» Куда вы пойдете, Григорий Глебович?

ГРИША *(в некотором раздражении)*. Куда, куда? Куда глаза глядят. Восемнадцать рублей с меня.

Порфирий. А куда глядят ваши глаза? Про восемнадцать рублей позвольте просить вас не вспоминать. Припомните лучше, Григорий Глебович, как в начале нашего с вами знакомства вы утверждали, что жить не сумеете, когда не найдут виноватого.

Гриша. Может, и не сумею... *(Молчит.)* К чему это все, Порфирий?

Порфирий. А вы не догадываетесь к чему? С вашей душой и талантом...

Гриша. С умом и талантом.

Порфирий. Нет, Григорий Глебович, именно что — с душой...

Гриша. Значит, вы мне уготовили роль козла отпущения?

Порфирий. Бог с вами, напротив! Одноклассники ваши — вот кто козлы! Вы бы видели, как поскакали! Вам же, Григорий Глебович, уготована иная, славнейшая роль! Ну, догадались?

Гриша *(помолчав)*. Вы большой фантазер, Порфирий... Хотя... нельзя отрицать, что-то в ваших фантазиях есть... Вы хотите, чтоб я признался, взял на себя грехи всей компании — Губошлепа, Лифчика, Князя... и свой?

Порфирий. ...И Евсея Арнольдовича, и Екатерины Андреевны. *(Вздыхает.)* И Никитушкины грешки. Да и мой... Мой грех. Я ведь не распознал виновника...

Гриша. И дяди Кости.

Порфирий *(смеется)*. Ох, правда, едва не забыл дядю Костю.

Пауза.

Гриша. Принесение животных в жертву всегда мне казалось жестоким обычаем.

Порфирий. А резать животных, чтобы потом поесть?

Гриша *(пожимает плечами)*. Печальная необходимость. Впрочем, вы не едите убитых животных.

Порфирий. Не ем.

Гриша. В школу возьмут с судимостью?

Порфирий. Вот, нашли отчего беспокоиться! Да у нас полпоселка сидело! Дети вас только уважать будут, особенно мальчишки.

Гриша. Так ведь и расстрелять могут! За убийство-то!

Порфирий. Ах, и отстали же вы от жизни, друг мой! Не могут, теперь не могут! Получите вы семь лет. Выйдете менее чем через пять. Не скрою, Григорий Глебович, жизнь в исправительно-трудовых учреждениях — не сахар. Там, увы, можно и алкогольную продукцию раздобыть, тот же одеколон... Пили когда-нибудь одеколон?

Гриша *(грустно)*. Пил ли? Я люблю одеколон.

Порфирий. И алкоголь, и, не стану от вас таить, кое-что, как бы это выразиться... посовременнее. Но вы не станете этого делать, Григорий Глебович, ручаюсь вам. Вы совершенно бросите пить, займетесь трудом, увлечетесь даже, откроете множество способов сделать его интереснее, а в свободное время... Григорий Глебович, вы умеете играть на флейте?

Гриша. Да, на этой... на поперечной, я одно время играл на блок-флейте...

Порфирий. Помяните мое слово: в симфоническом оркестре музицировать будете.

Гриша. Кому нужны в колонии симфонические оркестры?

Порфирий. А кому вообще нужны симфонические оркестры, Григорий Глебович?

Гриша. Мне будет трудно там спать, я храплю.

Порфирий. Избыточный вес. Уверяю вас, сгоните.

Гриша (*помолчав*). Что будет, если я откажусь?

Порфирий. Ничего не будет. Отправитесь вслед за, извините, товарищами-козлами, невозможно вам тут оставаться, Григорий Глебович, пить станете, печень сделается у вас вот такой! Чертей гонять приметесь, да и покойный Евсей, уж поверьте, вас не оставит, каждую ночь являться к вам будет, а там и ручки на себя... И найдут вас однажды с перерезанными венами, или горлом, или таблеточек примете успокоительных, или еще глупость какую над собой совершить догадаетесь...

Гриша. И записочку.

Порфирий. Да. И записочку.

Пауза. Вдруг Порфирий обнимает Гришу.

Посидишь пять лет, выйдешь, и вина твоя будет искуплена. (*Останавливается.*) Искупленá. Искуплена.

Гриша. Искупленá.

Порфирий. А остальные так и будут жить с этим. Козлы.

Пауза.

Гриша. Я согласен, Порфирий.

ЭПИЛОГ

Никита и Порфирий.

НИКИТА. Дяде Грише дали семь лет и меньше чем через пять выпустили... Он получил государственную квартиру, не пьет, бреется каждый день и провожает из школы Марьяванну, учительницу...

Порфирий. Марию Хуановну, Никитушка, преподавателя уругвайского языка.

НИКИТА. Дядя Костя теперь изготавливает омолаживающий табак.

Порфирий. То-то, смотрю, он помолодел...

НИКИТА. А доктор мой?

Порфирий. Доктор Шпиллер поехала на стажировку, да так и обосновалась во Франции.

НИКИТА. А про козлов про тех — про Губошлепа, Лифчика, Князя — мы больше не слышали.

Порфирий. Пошли к черту!

НИКИТА. Да. Пошли они к черту, козлы!

конец

сентябрь 2010 г.